СЕСТРЫ МИХАЙЛОВЫ

как мы выживали при анкапе

18+

Вреднослужащий Билл Хоср

Сёстры Михайловы, или Как мы выживали при анкапе

«Автор»
2026

Хоср В.

Сёстры Михайловы, или Как мы выживали при анкапе / В. Хоср — «Автор», 2026

В ноябре 1975 года на аэродроме в Луанде знакомятся две Михайловы: военврач Клио и исследовательница Цирцея. Одинаковую фамилию им вписали в документы перед командировкой. Теперь им предстоит наладить работу медицинской лаборатории в Анголе, где идёт гражданская война.Пока Клио лечит раненых и ездит к больным по деревням, Цирцея берётся за два заброшенных кофейных хозяйства. Продажа кофе приносит деньги на горючее и приборы. Дела идут своим чередом, пока пишущая машинка в кабинете Цирцеи не превращается в жука и не начинает диктовать агентурные указания...История о храбрости и научном упрямстве, о цене независимости и выживании при анкапе. А ещё о биржевых сводках из будущего, подорожавшей землянике и монтировке генерала Гордона Киркпатрика.

© Хоср В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дорогая земляника 5
Buen Doctor 9
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Вреднослужащий Билл Хоср Сёстры Михайловы, или Как мы выживали при анкапе

Пролог. Дорогая земляника

США, штат Вирджиния. Февраль 1975 года

Генерал Гордон Киркпатрик положил папку на садовый столик, однако Нельсон Грюн успел поставить на неё блюдо с земляникой прежде, чем гость расстегнул замок.

— Попробуйте, Гордон. Сливки вам подадут отдельно.

День выдался неожиданно тёплым для конца февраля. На защищённой от ветра террасе было свежо; ниже, за каменной балюстрадой, солнечный газон спускался к бассейну. Бассейн был выложен красным туфом, привезённым из Турции; там работал человек с длинным сачком. Генерал видел, как он время от времени вынимал из воды прошлогодние листья и осторожно стряхивал их в тележку.

На столике лежало письмо с золотым тиснением: «United States Gems and World's Diamonds». Грюн перевернул лист, чтобы на него не попала капля сливок, и придвинул к себе чашку.

— Вы полагаете, ощущение может быть ошибочным? — спросил он.

Киркпатрик посмотрел на блюдо, потом на хозяина.

— Постоянно. В нашей работе особенно.

— Тогда вам следует уточнить, что именно вы называете ощущением. Если вам холодно, вы можете ошибиться относительно температуры воздуха, собственного здоровья или качества отопления. Но вы ведь действительно чувствуете холод. Заблуждение начинается, когда вы принимаетесь объяснять, отчего мёрзнете.

— И решаю заменить отопительный котёл…

— Или управляющего. Второе обходится дешевле, поэтому его обыкновенно пробуют первым.

Нельсон Грюн прищурился; глаза его, маленькие, словно капельки воды, были спрятаны под седыми бровями; на заседаниях совета директоров его корпорации «Юнайтед Стейтс джемз энд уорлд'з дайамондс» секретари и стенографистки никак не могли понять — смотрит старик или спит с открытыми глазами?

— Вот, например, эти ягоды, — Киркпатрик выбрал ложечкой самую крупную. — Мне кажется, они пахнут травами Техаса.

Грюн отхлебнул глоток жасминного чая. Чашку он держал обеими руками, хотя в остальном его движения никак не выдавали старости.

— Прекрасно. Вы вспомнили Техас. Я против этого ничего не имею.

— Значит, моё ощущение верно?

— Только пока вы вспоминаете. Но если вы начнёте утверждать, что земляника выросла в Техасе, получится суждение. И суждение будет неверным: во-первых, даже в Техасе до основного сбора ещё рано; во-вторых, мой поставщик находится довольно далеко от ваших воспоминаний.

Киркпатрик проглотил ягоду. Он ещё не произнёс ни слова о деле, с которым пришёл к старику, а уже нуждался в том, чтобы несколько поправить впечатление о своих умственных способностях.

— Во всяком случае, здесь у вас замечательно думается. Простор, свежий воздух… В моём кабинете совершенно другое дело.

— Вам не нравится ваш кабинет?

— Третий этаж, кольцо «Си», да ещё северная сторона... Самая середина здания… Смотрю в окно — передо мной окна соседнего корпуса. Выхожу, пересекаю коридор, захожу к коллеге на противоположной стороне — у него опять окна в окна… Я иногда по дороге на работу стараюсь запомнить небо, чтобы к обеду не забыть, как оно выглядит.

— Вы занимаетесь оперативным планированием, Гордон. Вам полагается находить положительные стороны в любых обстоятельствах.

— Даже сидя у северной стены?

— Даже там... Представьте, что в Пентагон врезался самолёт-камикадзе. Или ракета… Внешний корпус здания примет удар, самолёт разрушится, а вы останетесь в своём среднем кольце, целый и невредимый, и сможете продолжить работу.

Киркпатрик усмехнулся.

— Самолёт-камикадзе, долетевший до Пентагона, — это уж совершенно невероятно, Нельсон… Я скорее поверю в нашествие каких-нибудь гигантских инопланетных жуков.

— Когда-то налёт на Перл-Харбор тоже считали невероятным, — невозмутимо ответил Грюн. — А от жуков вам было бы ещё проще защититься.

— Каким же образом?

— Запаситесь монтировкой, Гордон, и просто держите её в рабочем кабинете. Если жуки полезут, легко отобьётесь ей даже от самых крупных…

Киркпатрик рассмеялся; старик тоже засмеялся, прикрыв ладонью чашку. Человек у бассейна поднял голову, посмотрел на террасу и снова опустил сачок в воду.

Отсмеявшись, генерал взял ещё ягод.

— Так откуда всё-таки эта земляника?

— Из Африки. И с каждой поставкой она обходится мне дороже.

— Перевозка?

— Перевозка, хранение, посредники… Раньше я договаривался с одним человеком в Анголе — он отвечал за ягоды, упаковку и доставку на аэродром. Теперь я вынужден гонять самолёт в Заир, а это плохо, потому что земляника там дороже на сорок семь центов и лететь на сто двадцать миль дальше; это лишнее горючее, а оно стоит денег… У моего представителя там отдельно берут за автомобиль, отдельно за въезд и отдельно за право выгрузить корзины. В прошлый раз мой самолёт простоял шесть часов. Всё это время лётчики получали жалованье.

Генерал отложил ложечку.

— В конце концов, речь идёт о нескольких корзинах.

— Именно. Я покупаю несколько корзин, а люди ведут себя так, словно доставляют их королеве Англии. Причём королеву они, вероятно, постеснялись бы обсчитывать.

Грюн выбрал ягоду, рассмотрел её и съел без сливок.

Киркпатрик потянул папку из-под блюда. Хозяин придержал край тарелки, помогая ему, и генерал воспользовался этим маленьким сотрудничеством, чтобы перейти к главному.

— Нельсон, мне нужна ваша помощь в отношениях с Управлением…

— Насколько я понимаю, у вас есть собственные отношения.

— Не совсем так, Нельсон. Есть порядок взаимодействия. Я направляю запрос, он проходит согласования, потом мне присылают ответ на тот запрос, который получился после согласований. Иногда к этому времени сам объект запроса уже перестаёт существовать.

— И вы хотите изменить этот порядок?

— Я хочу поговорить с людьми, которые принимают решения. До того, как решение превратится в бумагу…

Грюн поставил чашку на блюдце.

— Что вы предлагаете?

— Совместную работу по Анголе. Наше планирование и их возможности на месте. Нам нужны сведения, на которые можно опереться.

— Вы обсуждали это в Государственном департаменте?

— Дипломатов следует подключить позднее.

— Почему?

— Потому что иначе о наших намерениях узнает слишком много людей.

— Они тоже американцы, Гордон.

— Разумеется… Но у каждого из них много иностранных знакомых.

Грюн задумчиво провёл пальцем по ручке чашки.

— Я хотел бы, чтобы в обсуждении с самого начала участвовал один человек из Государственного департамента. Он знает мои африканские дела.

— Этого как раз и хотелось бы избежать.

— Моих африканских дел?..

— Лишних участников.

— Он будет полезен. Я могу говорить с ним прямо, и он понимает, какие обязательства готов на себя взять. Мне бы хотелось, чтобы и вы могли пользоваться этим преимуществом.

Киркпатрик посмотрел на перевёрнутое письмо. Под золотым названием компании едва заметно проступали строки машинописного текста. Генерал понял, что приглашение дипломата уже стало частью цены, хотя старик по-прежнему обсуждал только удобство будущей беседы.

— Хорошо. Но круг должен оставаться узким.

— Согласен. Очень полезное правило…

— И мне необходимо, чтобы в Управлении отнеслись к вопросу серьёзно.

— Я изложу ваши соображения.

— Этого будет достаточно?

— Это зависит от соображений…

Киркпатрик раскрыл папку, однако Грюн не протянул руки к бумагам. Генерал перелистнул несколько страниц и снова закрыл её.

— У них, кажется, кто-то появился в Москве, — сказал он задумчиво.

Старик подождал.

— Почему вы так думаете?

— В последнее время их сведения стали точнее. Причём в вопросах, по которым русские обычно ничего не сообщают заранее.

— Вас беспокоит такая расторопность разведки?

— Меня беспокоит, что мы не умеем ею пользоваться… Ведомство, получившее хороший источник, начинает беречь его прежде всего от соседнего ведомства.

— И вы уверены, что источник находится в Москве?

— Предполагаю, Нельсон. Как видите, я помню вашу поправку.

Грюн улыбнулся и наконец посмотрел на папку.

— Продолжайте.

— Даже если мы будем знать всё, что решают в Москве, этого недостаточно. Мне нужны люди в самой Анголе. Кто действительно контролирует дорогу, по которой мы собираемся везти груз? Кто может блокировать аэродром? У кого солдаты получают деньги, а у кого только обещания? В докладе написано, что мост существует. Меня интересует, можно ли по нему проехать.

— Вы собираетесь воевать за мост?

— Я собираюсь понимать, что там происходит. Португальцы не удержатся там, это уже ясно; я удивлюсь, если к Рождеству Ангола ещё останется в их юрисдикции... Там сейчас

несколько сил, каждая из которых считает страну своей. Если мы будем узнавать о переменах из газет, нам останется только объяснять, почему всё произошло без нашего участия.

— А Управление, по вашему мнению, знает больше?

— У него есть возможность знать. Нам нужны надёжные сообщения с мест, а им пригодится наша оценка военных возможностей. Мы можем помочь друг другу.

— Тогда вам следовало бы быстро договориться.

Генерал выдержал паузу.

— Поэтому я здесь.

Грюн откинулся в кресле. Солнечная полоса уже добралась до его туфель.

— У меня есть собственные люди в Африке, — сказал он. — Они умеют считать, но не все умеют составлять доклады.

— Хорошо, если они умеют отличать стоящий грузовик от сгоревшего.

— Они умеют отличать оплаченный от неоплаченного. Это более редкая квалификация.

Киркпатрик улыбнулся, однако старик оставался серьёзен.

— Кстати, кто будет оплачивать новую работу, Гордон? Самолёт, который простоит на аэродроме лишние шесть часов, всё равно потребует денег…

— Я не прошу вас финансировать операцию.

— Вы просите меня заняться ею. Для начала мне придётся отвлечь людей от других занятий.

— Ваши расходы будут учтены.

Генерал посмотрел на садовника. Тот подвёз тележку к дальнему краю бассейна и теперь выбирал что-то из сачка руками.

— Мы готовим несколько программ снабжения, — сказал Киркпатрик. — Они предусматривают длительные контракты. Транспорт, складские услуги, поставки для наших объектов… У вашей компании есть соответствующие возможности.

— У нас есть название, которое не всегда помещается на бланке. Наши возможности зависят от условий заказа.

— Заказы у вас будут, Нельсон. Я могу это обещать.

Грюн наклонился вперёд и поправил блюдо с земляникой, стоявшее слишком близко к краю.

— Поговорите с моим управляющим о ваших программах… Он подготовит сведения о наших возможностях. А я постараюсь устроить вам нужную встречу. С участием моего знакомого из Государственного департамента, как мы договорились…

Киркпатрик убрал папку под кресло. Он считал разговор удачным: вместо многих недель ведомственной переписки предстояла беседа, где можно будет получить ответ сразу. Участие дипломата представлялось терпимой платой… особенно если старик собирался привести человека, который действительно знал Африку.

Генерал снова взял ложечку, помедлил и посмотрел на хозяина с неожиданным недоумением.

— Послушайте, Нельсон, а не проще ли посылать самолёт в Колумбию? Там тоже выращивают землянику… Это же гораздо ближе.

Грюн рассмеялся:

— Я вижу, Гордон, простор и свежий воздух в самом деле улучшили ваши способности к планированию…

Buen Doctor

Экваториальная Гвинея, остров Масиас-Нгема-Бийого. Октябрь 1975 года

— Вы не устали? — осведомился зоолог.

Клавдия Бекетова переступила через корень, дождалась, пока её спутник сделает то же самое, и только тогда ответила:

— Устала. Поднимите свой край.

Орфей Актеонович послушно приподнял ручку, клетка накренилась, и внутри что-то недовольно заскреблось.

— Осторожнее, — заметил он. — Ей и так досталось.

— Ей... — со вздохом повторила Клава и перехватила свою ручку двумя руками.

До полянки оставалось немного, но именно на этом участке тропа, до сих пор позволявшая идти рядом, решила обогнуть несколько деревьев по очереди. Приходилось разворачиваться боком, пропускать клетку вперёд и протискиваться следом. Мокрая ветка ударила Клаву по щеке; она отвела её плечом и задержала, пока зоолог проходил. Тот поблагодарил и тут же попросил не раскачивать.

Под мышкой у Клавы тёр ремень медицинской сумки, кобура с пистолетом Макарова упиралась в бедро, промокшая от пота рубашка липла к спине. Когда они останавливались перевести дух, пот начинал течь по лбу и щипал глаза. У Орфея Актеоновича за спиной висел АКСУ; тяжёлый автомат то цеплялся ремнём за ветки, то съезжал набок, и тогда зоолог сердито вздёргивал плечо, стараясь его поправить.

— Дерьмо всё это на себе таскать... — проворчал он, в очередной раз высвобождая ремень.

Очки Орфей Актеонович закрепил, заправив дужки под платок, повязанный на голове, и теперь смотрел сквозь стёкла, покрытые мелкими каплями; время от времени он тёр их о плечо, почти ничего этим не достигая.

— На Фернандо-По, — сказал он, — замечательно сохраняется влажность.

— Особенно в ботинках...

— Я имею в виду микроклимат. Для приматов это очень существенно.

Клава почувствовала, как железная ручка медленно выскальзывает из пальцев.

— Давайте поставим вашего примата.

Они опустили клетку на землю. Зоолог сразу присел, поправляя свесившийся край брезента, а Клава разогнула пальцы и посмотрела на белые полосы поперёк ладони. Несколько секунд они медленно наливались кровью.

Из-под укрытия выглянуло узкое сероватое лицо. Обезьяна была невелика, примерно с худую кошку, и тащить её одну не составило бы труда; основную тяжесть представляло сооружение, заказанное Орфеем Актеоновичем по собственным указаниям. Клава уже успела оценить толщину прутьев и надёжность сварных швов. Особенно хорошо они ощущались на последнем подъёме.

Животное повернуло голову. По обе стороны черепа стояли большие круглые уши, почти лишённые шерсти, с тёмными прожилками под желтоватой кожей. Одно дрогнуло и сложилось краем вперёд, совсем как у крысы, которую Клава однажды застала в перевязочной за поеданием хозяйственного мыла.

— Крысоухая мартышка, — с удовольствием произнёс зоолог, словно представлял их друг другу впервые. — Посмотрите, как реагирует на звук.

Клава посмотрела на его ободранную скулу.

— А вы как реагируете на воду?

— Пока не хочу.

— Всё равно попейте. И дайте мне.

Он отстегнул флягу. Клава выждала, пока он сделает несколько глотков, выпила сама и снова взялась за ручку. Обезьяна, наблюдавшая за ними из полумрака, бесшумно отступила к задней стенке.

Полянка открылась за широкими листьями; её легко было бы не заметить, если не знаешь дороги. Здесь они оставили часть имущества перед последним выходом. Между деревьями стоял лабаз на коротких стойках; сверху всё было накрыто полотнищем. По ножкам уже тянулись муравьиные дорожки. Под навесом лежали палатка, свёрнутые одеяла, мешок с продуктами и деревянный ящик. Автомобильная колея, заросшая посередине высокой травой, уходила с другого края полянки в лес.

Клетку поставили в тени. Орфей Актеонович принялся осматривать её обитательницу, а Клава села на ящик и расстегнула ворот. До вечера можно было успеть обсохнуть, поесть и привести в порядок его скулу. Потом, если зоолог прекратит сообщать мартышке свои впечатления, останется время почитать.

Под полотнищем сохранился сухой угол. Клава достала оттуда сумку с радиостанцией и роман Валентина Пикуля; страницы уже покоробились от влажности. Книгу она положила на колени, радио устроила на ящике рядом. Прежде чем включить питание, посмотрела на часы.

— Пять минут, — сказала она. — Орфей Актеонович, отойдите пока от клетки. Вы ей заслоняете весь воздух.

— Здесь вполне достаточная вентиляция...

— Тогда отойдите от меня. У меня недостаточная.

Он отошёл и сел на корточки с другой стороны.

Связь установилась не сразу. В наушнике трещало, откуда-то далеко пробивался чужой голос, затем дежурный услышал её и попросил повторить, все ли на месте. Клава сообщила, что оба человека и животное находятся на точке, пострадавших нет, к погрузке будут готовы к вечеру.

— Вывоз перенесён, — ответил дежурный. — Эмилио уже выдвинулся. Будет у вас через час. Пихта-108, как поняли?..

Клава прижала наушник плотнее.

— Через сколько?

— Через час. Может быть, раньше...

— Ковёр-19, я же просила: вывозить нас только ночью!

Орфей Актеонович поднял голову.

— Есть распоряжение начальника группы. Машину вечером передают катерникам. Забрать вас сейчас и сразу вернуть.

— У нас до темноты ещё полдня! И по дороге шляется гвардия! В прошлый раз там трое суток стоял пост!..

— Распоряжение начальника группы, — повторил дежурный. — Есть информация, что сейчас проезд свободен.

Клава посмотрела на светлую прореху между деревьями, где начиналась колея. Кто-то принёс начальнику эту хорошую новость, начальник распорядился машиной, а проверять, насколько свободен проезд, предстояло ей.

— Передайте: против дневного вывоза возражаю. По дороге могут быть вооружённые люди, не только гвардейцы. Мы остаёмся здесь до вечера, Эмилио пусть ждёт с нами.

Дежурный попросил подождать. Клава успела отогнать муравья с книги и вытереть лицо, прежде чем его голос вернулся.

— Пихта-108, приказ прежний: возвращаться немедленно по прибытии транспорта. Вечернего выезда не будет.

— Возражение записали?

— Записал. Приём.

— Поняла, Ковёр-19. Конец связи.

Клава выключила станцию и несколько секунд держала ладонь на её тёплом корпусе.

— Так ведь это хорошо, — осторожно заметил зоолог. — До вечера доставим. Ей будет легче.

— Если доставим...

— У нас есть разрешение.

Он похлопал по нагрудному карману. Там, в непромокаемом чехле, лежала бумага, ради которой он провёл в Малабо больше времени, чем в лесу. Клава видела её: большая печать, длинный перечень должностей главы государства, разрешение отловить и вывезти один экземпляр. Название острова занимало почти всю строку. Фернандо-По канул в лету, зато под новым названием всё оставалось на прежних местах, включая людей, способных отнять у человека последнюю рубашку вместе с разрешением носить её.

— Если остановят, — сказала Клава, — сначала говорю я. Вы бумагу приготовьте, но вперёд не лезьте.

Она убрала книгу, расстегнула сумку и подозвала Орфея Актеоновича обработать скулу.

Эмилио приехал раньше, чем они закончили собираться. За деревьями затарахтел мотор, несколько раз взревел на подъёме, и на полянку вполз опрятный зелёный вездеходик ТПК. Он раздвигал траву тупым носом; в глубокой колее над ней временами оставались видны только чёрная голова водителя и сложенная рамка ветрового стекла.

Клава встретила машину у лабаза.

— Ты почему днём?

— Приказали, донья Клаудия. Я сказал, что вы бы не захотели.

— Ну?..

Эмилио развёл руками и заглушил мотор. На нём была выцветшая рубашка с двумя нагрудными карманами, рукава он закатал до локтей. На левом запястье темнела широкая полоска от ремешка часов; сами часы он, как обычно, оставил дома. Время Эмилио предпочитал узнавать у других, всё остальное хозяйство при нём сохранялось значительно лучше.

— По дороге чисто? — спросила Клава.

— Когда ехал сюда, никого не было.

Он вышел, поднял связку одеял, отнёс к машине и вернулся за клеткой. Орфей Актеонович как раз откинул брезент, проверяя, не осталась ли внутри жестяная миска. Эмилио остановился, не протянув рук.

Мартышка сидела к нему боком. Ухо медленно повернулось на звук его шагов.

— Эту? — спросил он.

— Эту, — ответила Клава. — Помоги поставить.

Он посмотрел на зоолога, потом на Клаву.

— Пусть лучше выпустит её, — вдруг тихо сказал Эмилио и сглотнул.

— У нас разрешение президента, — ответил Орфей Актеонович по-русски и, подумав, добавил несколько испанских слов. Получилось достаточно понятно: президент разрешил.

Эмилио ещё немного постоял, затем осторожно взялся за нижнюю перекладину. Клава помогла ему поднять клетку. Её установили за водительским местом между двумя боковыми сиденьями, подложили свёрнутый брезент и стянули верёвками с обеих сторон. Зоолог снял со спины АКСУ, пристроил его вдоль правого сиденья и уселся так, чтобы видеть дверцу. Палатку и одеяла закрепили на оставшемся настиле; медицинское имущество Клава положила у себя под ногами, а радиостанцию пристроила так, чтобы до неё можно было дотянуться, не разгружая машину.

Эмилио проверил крепления, поправил лежавший вдоль борта карабин и снова посмотрел на обезьяну.

— Накройте, — попросил он.

Орфей Актеонович оставил приподнятым один угол.

До просёлка добрались без приключений. Транспортёр переваливался через корни, скользил в колее, выбирался из неё с неожиданным проворством и снова ложился боком. Эмилио вёл осторожно, оглядываясь перед каждым особенно глубоким провалом. Зоолог держал ладонь на верхней перекладине клетки и вскоре перестал сопровождать каждый толчок замечанием.

У выезда росло дерево с толстой белой царапиной поперёк ствола. Клава запомнила его ещё по дороге сюда. Теперь Эмилио остановился перед ним, прислушался и только потом повернул на дорогу.

Патруль оказался за следующим поворотом.

Поперёк просёлка стоял джип с поднятым капотом. У его переднего колеса сидел на корточках человек и возился с чем-то под двигателем. Ещё трое держались на дороге; один поднял руку, затем оружие. Эмилио затормозил.

Справа, у канавы, лежали четверо. Первой Клава увидела голую пятку, испачканную красной глиной, потом ладонь с растопыренными пальцами. Ладонь шевельнулась, пытаясь отогнать муху от щеки. На спине женщины в пёстрой юбке медленно поднималась и опускалась ткань. За ними стоял гвардеец и водил стволом из стороны в сторону, словно проверял, все ли ещё здесь.

Клава положила ладонь на борт, собираясь встать, но Эмилио коротко коснулся её колена, и она осталась сидеть.

Старший подошёл к машине. Клава узнала его по выцветшей фуражке с непомерно новым ремешком; прежде он дважды проверял у неё документы на въезде в город. Он тоже её узнал, скользнул взглядом по полувоенному комбинезону и помахал пальцами, требуя бумагу.

Она подала удостоверение. Он раскрыл его, посмотрел фотографию и вернул.

— Куда?

— В Малабо. В нашу группу.

— Что везёте?

— Снаряжение. Животное для зоопарка.

Гвардеец у канавы что-то крикнул. Старший обернулся, ответил и принялся отодвигать в сторону конец валявшейся поперёк дороги ветки. Клава уже почувствовала, как Эмилио положил ногу на педаль.

Тогда второй гвардеец нагнулся к клетке.

— Не надо, — сказал зоолог.

Тот не понял или не захотел понять. Он потянул брезент за угол, ткань съехала на пол, и мартышка, до сих пор сидевшая неподвижно, резко повернула голову.

Гвардеец отшатнулся. Клава увидела его рот, открывшийся прежде, чем из него вырвался крик. Он вскинул оружие, ткнул стволом в клетку и закричал снова; старший бросил ветку и в два шага вернулся к машине.

Теперь говорили все разом. Один требовал немедленно открыть дверцу, другой велел зоологу убрать руки. Эмилио сидел прямо, глядя перед собой, а на виске у него быстро билась жилка.

— Что он говорит? — спросил Орфей Актеонович.

Клава подняла пустую ладонь к ближайшему стволу.

— Не направляйте на нас оружие. Животное вывозится по разрешению.

— Выпустить! — Старший ткнул пальцем в замок. — Здесь выпустить! Вы хотеть, чтобы боги леса за всеми нами приходить?

Зоолог уже вытаскивал из кармана чехол. Он достал лист, развернул его и затряс перед лицом старшего:

— Разрешение, видите? Раз-ре-ше-ни-е! Я сотрудник зоопарка, и эта обезьяна едет в Малабо!

Всё это он произнёс по-русски, повышая голос на каждом слоге. Гвардеец следил за колеблющейся печатью, затем поймал край бумаги и потянул к себе. Орфей Актеонович нехотя разжал пальцы.

Старший увидел подпись, замолчал и осторожно расправил лист обеими ладонями.

Читал он медленно, возвращаясь глазами к началу. Гвардеец с автоматом заглядывал через плечо, тыкал пальцем в строчки и требовал ответа. Теперь им надо было решить, кто отвечает за выпущенную обезьяну, если президент распорядился её вывезти. Клава не стала ждать, пока они договорятся.

Она положила руку на плечо Эмилио и наклонилась к нему:

— Поехали.

Он не повернул головы. Мотор, всё это время тихо тарахтевший под ногами, надсадно взревел. Транспортёр дёрнулся, ударил Клаву бортом под колено и пошёл вперёд; старший отскочил, всё ещё держа в обеих руках разрешение.

— Бумага!.. — крикнул зоолог.

Клава схватила его за рукав и втащила обратно на сиденье.

Кто-то ударил прикладом по заднему борту. Эмилио направил машину в просвет между джипом и канавой, и несколько секунд Клава видела совсем рядом пальцы человека, лежавшего в глине. Тот прижал их к себе, пропуская колесо. Потом джип остался позади, над головами хлестнули ветки.

Сзади закричали. Завизжал стартёр, оборвался, завизжал снова, а затем хлопнул первый выстрел.

Эмилио пригнулся. На дороге перед машиной взбрызнула пыль; Орфей Актеонович сноровисто нырнул ниже борта и подтянул автомат поближе, прижав его к правому бедру. Клава успела заметить это движение, прежде чем сама легла грудью на борт. Транспортёр попал передним колесом в промоину, их качнуло вправо, одна из верёвок сползла с перекладины. Клетка поднялась углом и с грохотом опустилась на настил.

Зоолог придержал АКСУ коленом и левой рукой схватился за решётку.

Он вскрикнул почти одновременно с Эмилио. Клава успела увидеть, как водитель резко повёл левым плечом, словно пытался стряхнуть с него что-то горячее. Машина вильнула. Он удержал руль правой рукой и выправил её; на выцветшей рубашке над рукавом быстро проступило тёмное пятно.

— Вперёд! — приказала Клава. — До поворота!

Дорога наконец ушла под деревья. Ещё несколько пуль срубили листья, но они уже выбрались из прямой видимости гвардейцев. Эмилио переключился, втиснул транспортёр между двумя глубокими колеями и повёл его по травяной середине, не оглядываясь.

Зоолог сидел, зажав левую кисть под мышкой. Под его локтем лежала клетка, перекосившаяся, но удержанная второй верёвкой. Мартышка приникла к прутьям; её рот был слегка приоткрыт.

Клава опустилась на сиденье и взялась за левое плечо Эмилио. Он шумно втянул воздух.

— Руку чувствуешь?

— Чувствую.

— Хорошо. Ещё немного проедем... Потом остановишься.

Она вытащила из сумки перевязочный пакет и прижала ткань к ране. Эмилио хотел что-то сказать, но только качнул головой. Клава увидела кровь на пальцах зоолога.

— Вас тоже?

— Укусила.

Эмилио всё-таки обернулся.

— Покажите, — потребовала Клава.

Орфей Актеонович с трудом отнял руку от рубашки. На ребре кисти виднелись рваные проколы; кровь стекала к мизинцу и капала с ногтя.

— Держите вот это. Прижмите. Не лезьте больше к ней.

Зоолог взял салфетку. Эмилио что-то произнёс, но за треском мотора Клава не разобрала.

— Что?

Он не ответил и прибавил газу.

Проехали ещё немного, свернули с дороги на старый въезд и остановились под нависшими ветвями. Здесь когда-то стояла постройка: из зелени торчали два обломка стены, на одном сохранилась полоска синей штукатурки. Эмилио заглушил двигатель, и Клава сразу услышала, как громко дышит зоолог.

Она прислушалась к дороге. Мотора сзади не было.

— Сейчас перевяжу... Орфей, руку держите.

Клава выбралась наружу, поставила медицинскую сумку на капот и открыла её. Зоолог вылез следом и встал у правого борта, прижимая укушенную кисть к груди. Автомат остался в кузове, у его сиденья.

Клава подняла голову: Эмилио стоял с другой стороны машины. Карабин он держал в правой руке за шейку приклада, прижав локоть к боку; левая рука висела, с пальцев падали редкие тёмные капли.

— Докто́ра, отойдите.

Он смотрел на зоолога.

Клава вынула из кобуры ПМ прежде, чем ствол карабина поднялся над бортом.

— Положи.

Эмилио перевёл взгляд на неё. Клава шагнула так, чтобы оказаться между ним и зоологом; теперь он смотрел на пистолет.

— Он укушен, — сказал Эмилио.

— Я вижу. Положи оружие.

— Надо сейчас. Потом вы не сможете...

Клава знала его достаточно давно, чтобы понять: он не угрожает и не пытается выторговать согласие. Он объяснял ей, почему работу необходимо сделать немедленно. Таким же голосом он когда-то сказал, что ночью смоет мостик, если сейчас не убрать из-под него застрявший ствол.

— Ты ранен. Он ранен. Мне надо вас перевязать.

— Вы не понимаете, докто́ра! Таких нельзя оставлять!..

Краем глаза Клава заметила, как Орфей Актеонович напрягся. Он чуть согнул ноги и мягко подался к кузову, где лежал его автомат; здоровая правая рука уже освободилась.

— Орфей Актеонович, не надо, — сказала Клава, не сводя глаз с Эмилио.

Зоолог замер, но к борту оставался вплотную.

Эмилио сглотнул. На лбу у него выступили крупные капли пота, нижняя губа посерела. Карабин начал медленно опускаться, потом снова остановился.

— Донья Клаудия, я видел...

— Расскажешь. Положи на землю. Рукоять отпусти.

Несколько секунд он стоял неподвижно. Потом согнулся, поморщился от боли и положил карабин у колеса. Клава велела отойти к обломку стены и сесть. Когда он послушался, она подняла оружие, убрала его в машину под свёрнутую палатку и только тогда спрятала пистолет.

Орфей Актеонович выждал, пока она отойдёт от борта.

— Пойду посмотрю, что они там делают.

Он вытащил из кузова АКСУ, отошёл к краю укрытия и опустился на одно колено лицом к дороге. Автомат уложил цевьём на поваленный ствол, приклад придвинул к плечу; укушенную кисть держал у груди. Отсюда просматривался въезд, по которому они только что свернули.

«Какие подготовленные зоологи нынче», — с иронией подумала Клава.

Он больше не поправлял очки и не интересовался, удобно ли сидит мартышка. Клава оставила его наблюдать: дорога была близко, двигатель джипа мог завестись с десятой попытки. Сама она вернулась к Эмилио.

У Эмилио пуля прошла через мягкие ткани плеча. Клава разрезала рукав, наложила повязку и закрепила руку. Он сидел, отвернув лицо к стене, и ни разу не попросил её быть осторожнее. Когда она велела посмотреть на неё, посмотрел; зрачки были обычные, испуг уже уступал место слабости.

— Крови потерял достаточно. За руль сядешь потом, когда разрешат.

— Он не должен ехать с нами!..

— Ещё как должен. И ты тоже.

Зоолога она позвала, закончив с Эмилио. Он ещё раз оглядел дорогу, поднялся с колена и вернулся к машине, держа автомат в здоровой руке. Клава промыла повреждённую кисть, обработала края ран и наложила повязку. Вблизи укус оказался глубже, чем показалось в машине. Орфей Актеонович терпел, втягивая воздух сквозь зубы; теперь он снова смотрел на клетку.

— Её надо поправить.

— Сначала вас.

— Клетка наклонена. Ей некуда сесть.

Клава затянула последний конец бинта и сама выровняла клетку. Мартышка следила за её пальцами, отступая ровно настолько, насколько требовалось, чтобы оставаться в тени. Клава протянула освободившуюся верёвку иначе, проверила, не достанет ли животное до узла, и накрыла решётку.

Эмилио всё это время смотрел на зоолога.

— Он будет болеть, — сказал он.

— Потому и везём к врачу.

— Вы думаете про другую болезнь.

Она сунула использованные салфетки в пустую обёртку.

— На месте поговорим. Сейчас в машину.

Эмилио помогла сесть слева. Зоолог остался справа, положив перевязанную руку на колено и пристроив рядом автомат. Клава заняла водительское место, придвинула к себе медицинскую сумку и вытерла руль обрывком разрезанного рукава. Между спицами блестела кровь. На земле у колеса остались две маленькие лужицы, и, прежде чем тронуться, она почему-то посмотрела, не слились ли они.

К воротам военной миссии они подъехали, когда на дороге начали удлиняться тени. Из караулки вышел дежурный, увидел за рулём Клаву и принялся отодвигать створку ещё до того, как она остановилась.

Эмилио отвели в перевязочную. Орфей Актеонович сначала пытался объяснить, куда поставить клетку, затем сел на ступеньку и попросил воды. Только здесь у него начали дрожать ноги. Клава забрала у него флягу, потому что он дважды промахнулся мимо рта.

Врач осмотрел обоих. Эмилио оставили; зоологу заново обработали кисть и начали курс антирабических прививок. Когда ему сказали, что продолжать придётся и после возвращения, он кивнул с такой готовностью, что врач попросил повторить, что именно тот понял.

— В Свердловске продолжу, — ответил Орфей Актеонович. — Скажите только, какие документы нужны.

Врач ещё раз посмотрел на него и продолжил заполнять выписку.

Клетку отнесли под отдельный навес, и зоолог, несмотря на возражения, устроился поблизости. К вечеру он уже объяснял дежурному, чем её обитательницу можно кормить, а чем нельзя ни при каких обстоятельствах. Дежурный записывал в блокнот, оставшийся после радиосеанса открытым на том же месте.

Клаву вызвал начальник группы.

Майор сидел за столом с папкой донесений. При её появлении он поднялся, усадил её напротив и спросил, не нужна ли ей самой помощь.

— Не нужна. Эмилио нужна сменная рубашка.

Майор записал что-то на краю листа.

— Разберёмся... Вы правильно сделали, что ушли от вооружённой банды. Последствий могло быть значительно больше.

— Это была национальная гвардия.

Он посмотрел на неё.

— Вы уверены?

— Старший раньше проверял у меня документы. Дважды.

Майор положил ручку.

— В любом случае вы обеспечили возвращение группы. Это главное. Остальное изложите письменно.

— С распоряжением о дневном вывозе?

— Изложите обстоятельства.

— Хорошо...

Донесение Клава написала после ужина, оставив слева достаточно места для замечаний. Время радиосеанса, полученный приказ и своё возражение она указала в начале. На словах «патруль национальной гвардии» ненадолго остановилась, затем дописала, что командир патруля ранее встречался ей при проверке документов.

Из окна было видно, как под навесом зоолог разговаривает с человеком, принёсшим корм. Клетка стояла между ними, аккуратно накрытая, и всё выглядело так, словно они готовились к обычной зоологической перевозке.

Про четверых гражданских у канавы Клава написала отдельно. Она не знала, сколько времени они там пролежали и что с ними было дальше. Удалось вспомнить пёструю юбку, пятку, пальцы, которые человек успел убрать от колеса. Больше ничего определённого в донесение не помещалось.

«Пером и шпагой» она в тот вечер открыла, но перечитала одну страницу три раза и оставила на прежнем месте.

На четвёртый день Орфей Актеонович улетал. Для него нашлось место на попутном рейсе; дальнейший путь согласовали, клетку внесли в бумаги, а взамен разрешения, оставшегося у гвардейцев, выправили другое. Хлопот оказалось много, и зоолог переносил их заметно хуже, чем перевязки.

За эти дни он успел составить рекомендации для перевозки, найти подходящую ёмкость для воды и поссориться с человеком, который предложил поставить клетку поверх прочего груза. Рука его заживала удовлетворительно, температура оставалась нормальной. Выписку с отметками о прививках он носил теперь в том же непромокаемом чехле, что и новые бумаги на животное.

Клава проводила его на аэродром. Эмилио попросился с ними и до самой полосы не сказал ничего о мартышке. Плечо у него было перевязано, новая рубашка накинута поверх повязки.

У самолёта Орфей Актеонович долго проверял, как закрепили клетку. Потом вернулся к Клаве и протянул здоровую руку.

— Спасибо вам, Клавдия. За всё... Я перед начальником обязательно поставлю вопрос.

— Лучше перед врачом. Как домой прилетите, сразу врачу покажитесь.

— Разумеется. Всё записано.

Он похлопал по нагрудному карману и улыбнулся. Скула у него зажила, от ссадины оставалась розовая полоска. Клава поправила съехавший край повязки на кисти.

— И через решётку больше не хватайтесь.

— Да уж... Это я совершенно машинально!

Он ещё раз пожал ей руку, кивнул Эмилио и пошёл к самолёту. Тот смотрел ему вслед, прижимая здоровой рукой повязку у локтя.

Потом пришлось отойти. Поднялся ветер от винтов, по бетону покатились обрывки бумаги; Клава придержала фуражку, а Эмилио повернулся спиной, пока самолёт разворачивался. Когда шум переместился к дальнему концу полосы, он снова встал лицом к машине.

— Он хорошо себя чувствует, — сказала Клава.

Эмилио кивнул.

— Вы ему помогли.

— Тебе тоже.

— Знаю, донья Клаудия.

Ил-18 уверенно побежал по полосе, оторвался и неспешно поднялся над дальними деревьями. Эмилио следил за ним, пока тот не начал поворачивать; Клава уже собралась идти к машине, когда он тронул её за рукав.

— У меня для вас есть кое-что...

Он достал из кармана маленький свёрток. Узел не поддавался одной руке, и Клава помогла развязать. В выцветшей ткани лежал чёрный обломок величиной со спичечный коробок.

Она повернула его к свету. Это было ухо — тщательно вырезанное человеческое ухо с глубокой раковиной и утолщённой мочкой. По одному краю шёл неровный скол; всё остальное отполировали долгим прикосновением пальцев. В мочке имелось отверстие, через него была продета короткая петля.

— От фигурки? — спросила Клава.

— От старой. Это дедово. Ему досталось от его деда, потом отец хранил, потом я...

Она протянула свёрток обратно:

— Тогда оставь себе.

Эмилио не взял.

— Дед велел отдать. Тому, кто придёт от Доброго Доктора.

Он произнёс последние слова по-испански — «Буэн Доктор», — с таким выражением, словно Клава должна была знать, о ком идёт речь. Она посмотрела на него внимательнее:

— Какого доктора?

— Который приехал издалека. Давно, в плохое время... Люди болели, звери болели, а помочь было некому. Он пришёл и стал лечить.

Эмилио говорил неторопливо, изредка придерживая перевязанное плечо. Клава стояла с протянутой рукой; поняв наконец, что он не возьмёт свёрток обратно, она опустила её.

— Днём он лечил людей, — продолжал Эмилио, — ночью к нему приходили звери. Кто мог идти, шёл сам, остальных приносили. Он никого не прогонял и всё работал. Люди слушались его, звери тоже. Даже Великая река Лимпопо делала то, что он говорил.

— Лимпопо?

— Да... Когда вода поднялась и не пускала его к больным, он велел ей успокоиться, и она пропустила. Дед рассказывал.

Название реки было знакомо Клаве с детства. Она едва не улыбнулась, но Эмилио держался серьёзно, и на его щеке ещё виднелась тонкая царапина от ветки, задевшей их при бегстве.

— Твой дед его видел?

— Дед умирал. Уже не вставал, ничего не ел... Доктор пришёл к нему, и дед остался жить. Потом много лет прожил. Когда умирал уже старым, позвал отца и отдал ему это.

Эмилио указал на ухо.

— Велел беречь, пока не придёт потомок Доброго Доктора. Ему будут подвластны три племени: люди, звери и боги джунглей. Тогда надо отдать.

Клава посмотрела на обломок. Отполированная раковина блестела, неровный скол оставался матовым. Если дед Эмилио действительно получил его от своего деда, вещь могла оказаться гораздо старше всех историй, которые успели о ней рассказать.

— И ты решил, что это я?..

— Вы велели мне положить оружие, и я положил.

— Я направила на тебя пистолет, Эмилио.

— Да, донья Клаудия. Я видел.

Он говорил без упрёка, и Клава не нашлась, что ответить.

— Мартышка укусила его, а вас не тронула, — продолжал Эмилио. — Вы поправили её клетку, и она дала вам это сделать. Гвардейцы требовали отпустить её, потому что так хотят боги леса. Вы не отпустили. Вы увезли её, и боги не сумели вас остановить.

Клава почувствовала, как нагрелся зажатый в ладони свёрток.

— Ты сам нас вывез. И тебя ранили.

— Вы меня не оставили. И не дали мне убить его.

Некоторое время они молчали. Ил-18 набирал высоту над островом; его ещё было видно, но шум винтов уже почти пропал. Эмилио завернул край ткани вокруг её пальцев и мягко сжал их своей ладонью.

— Возьмите, донья Клаудия. Я должен был вас найти.

Клава больше не стала возвращать подарок. Она затянула узел, провела большим пальцем по шершавому выступу под тканью и убрала свёрток во внутренний карман.

— Если когда-нибудь встретите моих, покажите, — добавил Эмилио. — Они узнают.

— Твоих родных?

Он кивнул и снова посмотрел в небо, туда, где самолёт с зоологом и мартышкой становился всё меньше.

На этот раз Клава тоже подождала, пока он скроется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.